

СИНГУЛЯНОСТЬ
ВОЗВРАТА

ЛЕОН ХАМГОКОВ

Леон Хамгоков

Сингулярность возврата

«Автор»

2026

Хамгоков Л.

Сингулярность возврата / Л. Хамгоков — «Автор», 2026

Инженер-навигатор Илья Сельвинский почти сорок лет ведёт звездолёт «Циолковский» к далёкой цели. Но на скорости, где время течёт в тысячи раз быстрее земного, он получает сообщение от самого себя из будущего. Чтобы спасти человечество от застоя, нужно развернуть корабль и прыгнуть назад, через миллион лет, зная, что обратной дороги не будет. Это история о чертежах, написанных завтра, о карандаше «Кохинор», пережившем цивилизации, и о том, что инженерная мысль не знает финала – она знает только итерации.

© Хамгоков Л., 2026

© Автор, 2026

Леон Хамгоков

Сингулярность возврата

Сингулярность возврата

0. Инженерная молитва

Перед стартом Илья Романович Сельвинский всегда заходил в цех окончательной сборки. Не для того, чтобы проверить болты – болты проверяли другие. Он заходил, чтобы прикоснуться к обшивке. Чувствовать холод металла, который через несколько часов станет его домом на десятилетия.

В тот день – тридцать семь лет назад по корабельному времени и почти век назад по земному – он провёл ладонью по титановой панели «Циолковского». Пальцы нащупали микронеровности, оставленные фрезой. Каждая царапина имела свою историю.

– Ну что, брат, – сказал он кораблю. – Полетели.

Рядом стояла Алевтина Громова. Она тогда ещё улыбалась легко, без груза будущего.

– Ты с ним разговариваешь, как с живым.

– А он и есть живой, – ответил Илья. – Просто молчит пока. Но мы его разговорим.

Он не знал, какими пророческими окажутся его слова. «Циолковский» заговорит – но не сразу. И голос его будет не человеческим, а математическим. Языком уравнений, которые меняют судьбу вселенной.

1. Метрика пустоты

Никогда не верь тому, кто говорит, что вакуум молчит.

Вакуум воет, визжит и стонет на частотах, которые не слышит человеческое ухо. Илья Романович Сельвинский сидел в ложементе главного поста и слушал именно эту симфонию – скрип силовых балок, перестук космической пыли по броне и ровное гудение аннигиляционных контуров.

Уже почти четыре десятилетия он провёл в этом кресле. По земному счёту это были эпохи, но Земля уже не имела значения. Она была точкой на графике, началом системы координат, которую «Циолковский» давно покинул.

Корабль носил имя «Циолковский». Сейчас, спустя тридцать семь лет субъективного времени, Илья думал – название выбрали идеально. Только такой упрямый мечтатель из Калуги смог бы оценить полет туда, где человеческий разум перестаёт быть хозяином самому себе. Где причинность скользит, как ремень на изношенном шкиве.

Они разогнались почти до единицы. $v=0,9999999c$. Семь девяток после запятой.

На такой скорости один час на корабле равнялся трём с лишним месяцам на Земле – почти сотне дней. А тридцать семь лет корабельного времени превращались в восемьдесят тысяч лет земной истории. Но Илья об этом старался не думать – слишком огромной становилась пропасть.

Илья был ведущим инженером-навигатором. Его правая рука, когда-то выводившая кинематические схемы на кульманах Политеха, теперь управляла кривизной пространства-времени. Левая – держала старую кружку с надписью «Ленинград – город-герой».

Он помнил запах синьки. Помнил тяжесть рейсшины и хрупкость карандашного грифеля «Кохинор». Помнил, как в мастерской при КБ пахло солидолом и озоном от работающих станков. Эти запахи были реальнее, чем вид из иллюминатора – радужная абберация, спрессованные фотоны, превратившиеся в жидкое стекло.

Воспоминания прошлой жизни были чётче, чем реальность.

Илья закрыл глаза и позволил себе провалиться в них. Вот он – молодой инженер, только что защитивший диплом по теме «Гравитационные моды в искривлённом пространстве-времени». Вот его научный руководитель, старый профессор с дрожащими руками, говорит: «Сельвинский, вы либо перевернёте физику, либо сойдёте с ума. Третьего не дано».

Илья тогда не понял. Теперь понимал.

2. Голос из ниоткуда

– Илья Романович, девяносто седьмой цикл разгона завершён, – голос искина «Немой-16» звучал в костной проводимости, минуя барабанные перепонки. – Мы достигли плато релятивистской стабильности. Отклонение метрики – в пределах трёх сигм.

– Принято, – ответил Илья, не разжимая губ. – Мне нужна спектрограмма фонового излучения.

– Смещение присутствует, – отозвался «Немой-16». – Эффект Доплера соответствует расчётному. Но есть аномалия.

Он открыл глаза. В рубке царил полумрак – только тусклое свечение контрольных панелей и зелёные линии на экранах. Аномалии в полёте со скоростью, искажающей причинно-следственные связи, не предвещали ничего хорошего.

– Докладывай.

– Зафиксирован гравитационный шум обратного знака. Источник – в области пространства, которую мы покинули тридцать один год назад. Амплитуда волны нарастает. Временной вектор распространения направлен против нашей мировой линии.

Илья сел резко – кровь бросилась в голову с осязаемым звоном. Старая кружка упала на пол, покатилась под кресло. Он не обратил внимания.

Обратный знак гравитационного шума. Он помнил это словосочетание ещё по лекциям в Физтехе. Его упоминали только шёпотом, как проклятие. Оно означало одно: где-то в прошлом формируется объект с вывернутым наизнанку тензором энергии-импульса.

Или что-то, движущееся в обратную сторону по временной стреле.

– Немой, – Илья перешёл на «ты» с машиной – привычка, выработанная за десятилетия одиночества. – Ты уверен в данных?

– Вероятность ошибки – 0.0003 процента. Это не шум датчиков, Илья Романович. Это реальное возмущение метрики. Источник приближается. Относительная скорость – более десяти скоростей света.

– Этого не может быть, – автоматически сказал Илья и сам усмехнулся. Именно эти слова он ненавидел больше всего. В их профессии невозможное было просто недостаточно хорошо изученным.

– Согласно текущим моделям – не может, – согласился «Немой-16». – Но модель, видимо, требует уточнения.

Илья потянулся к пульту связи с криокамерами. Его палец завис над кнопкой. Будить экипаж? Или разобраться самому? Четыре человека в гибернации, каждый на своём цикле. Алевтина – через два года её вахта. Михаэль – через пять. Тимур – через двенадцать. Лена – через двадцать.

Если он поднимет их сейчас, они потеряют годы синхронизации. Если не поднимет – риск пропустить что-то, что убьёт их всех.

Илья убрал руку. Решил сам.

– Немой, построить траекторию источника. Визуализировать в моём контуре.

На голографическом экране возникла модель. Пространство-время в виде сетки. Илья увидел знакомую линию мира «Циолковского» – почти прямую, с лёгким изгибом от гравитационных колодцев. И вторую линию. Она начиналась... ниоткуда. Просто возникала в будущем и шла назад, пересекая их траекторию в точке, до которой оставалось четыре года полёта.

– Мать твою, – тихо сказал Илья. – Что это?

– Не могу идентифицировать. Но сигнатура поля соответствует работе аннигиляционного двигателя. Того же типа, что у нас.

– Ещё один «Циолковский»?

– Вероятно. Но с модификациями, которые нам неизвестны. Энерговыведение на три порядка выше расчётного.

Илья откинулся в кресле. Кресло скрипнуло – тот самый скрип, который он слушал сорок два года. Теперь скрип казался ему голосом утешения.

– Сколько у нас времени?

– До точки пересечения – четыре года два месяца одиннадцать дней. Но до получения сигнала от источника – три минуты. Он уже здесь, Илья Романович. Не как объект. Как сообщение.

3. Чертёж возврата

– Источник сигнала идентифицирован. Сигнатура двигательной установки на семьдесят процентов совпадает с нашей. Объект класса «Звёздный буксир» серии «Циолковский». Предположительно – «Циолковский-2».

Илья вздрогнул.

Он отлично помнил – «Циолковского-2» не существовало. Второй корабль этой серии должен был стартовать через пять лет после них, но проект свернули. Илья сам подписывал заключение о нецелесообразности. Слишком дорого. Слишком долго.

– Откуда он взялся, Немой?

– Временная метка источника сигнала относится к будущему. Относительно Земли пройдёт один миллион двести семнадцать тысяч лет. Относительно нас – сигнал пришёл из точки, которую мы займём через четыре года.

Вот она, плата за скорость.

Пространство и время перемешались, как чертёж, попавший под проливной дождь. Илья представил себе этот чертёж – тушь расплывается, линии съезжают, размеры теряют смысл. Именно так выглядит мироздание, когда смотришь на него из релятивистского потока.

Илья медленно подошёл к обзорному экрану. Снаружи не было привычной черноты – только сплошной радужный туман, спрессованный абберацией скорости в подобие жидкого стекла. Так выглядит мир, когда ты почти догнал собственное отражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.